

КАК УБИВАЛИ АРТИСТА

"Но что хорошо и что дурно - вот ведь чего, главное, мы не знаем. Всякое чутье в этом смысле потеряли".

Ф. Достоевский. "Дневник писателя"

ТАЙНА СТАРОГО ДОМА

И в жизни он был такой же подвижный, как и в танце... Заскочил домой на минуту, бросил сумку, взял ключи от дачи и, бросив родителям: "Я скоро вернусь!" - умчался.

Это были последние слова сына, которые они слышали.

Спустя три дня Александр Киреевич опознавал Артура в морге. Он смог это сделать только по стрижке и родинке возле уха. Лицо было изувечено...

...Заметенный снегом двор, старый деревянный дом с плотно зашторенными, не смотря на середину дня, окнами. Год назад, в такой же зимний день, здесь лежал умирающий Артур. Там, возле угла, в луже. Было промозгло и сыро. Вон там, на втором этаже, форточка тогда отворилась. И захлопнулась. Чтобы не слышать этого страшного хрипа...

Невыносимо долго тянулось расследование преступления. Прошел год, даже больше, пока окончательный приговор вступил в силу. Я присутствовал почти на всех заседаниях повторного судебного разбирательства, наблюдал, с какой тщательностью суд восстанавливал буквально по минутам вечер, ночь, утро и день 22 и 23 января. Каждое слово, каждое действие участников событий.

И все же старый деревянный дом сохранил свою тайну. Так и не удалось до конца выяснить, зачем же понадобилось убивать Артура (точнее, говоря протокольным языком, наносить "особо тяжкие телесные повреждения, повлекшие за собой смерть") тем, к кому он, на редкость доверчивый и контактный парень, потянулся.

Артур Жлобич - артист балета, выпускник Таллиннского хореографического училища. Работал по распределению в Кишиневском театре оперы и балета, затем в различных таллиннских варьете. Незадолго до гибели, правда, устроился на более приличное оплачиваемое место, но верность профессии сохранил: по вечерам репетировал, помогал товарищам ставить программу.

Вот и в тот вечер, 22 января, занимался со знакомой танцовщицей Анжелой, а затем

заглянул с ней в бар "Ильматар". Там быстро образовалась компания из шести человек. После закрытия бара вечер решили продолжить. Один из компании, Вильяр Пильдер, оказался с машиной, на ней и отправились к Артуру на дачу, по пути заехав за ключами. Все, кроме Анжелы.

По пути же - к приятелю Пильдера Волощуку. За спиртным. В этот момент трагедия можно было предотвратить. Ладно, не видели, как грубо обошелся Волощук с дочкой своей жены, когда девочка робко попросила его остаться. Нет, схватил почти полный ящик водки, две бутылки вина, загрузил в машину. Ну, а потом? Вышла его жена (теперь уже бывшая), пыталась удержать Евгения. Он чуть не за волосы ее оттащивал... Кто-то попросил: "Женя, может, останешься?", но Женя отмахнулся, и компания покатила на дачу.

А потом - дача оказалась недостроенной - к Пильдеру на квартиру, которую он снимал в деревянном доме за вокзалом.

...Было уже раннее утро, обе девушки ушли, когда разбуженный Пильдером Волощук, к тому времени уже изрядно пьяный, нанес Артуру первый удар кулаком в лицо. Щуплый танцовщик сразу оказался на полу: 120-килограммовый Волощук в два раза тяжелее и на полметра выше. Уже лежащему еще несколько раз ударил ногой - по телу, голове, а также потоптался по лицу. "Хватит с него", - сказал тогда Пильдер. Посадили Артура в кресло, однако Волощук не успокоился. Выпив с Пильдером кофе, вновь обрушил на Жлобича удары ногой. Последний сокрушительный удар в голову был нанесен уже во дворе, куда Волощук вывел свою жертву, в девятом часу утра. Артур рухнул в снег...

За что же? Пильдер и Волощук, конечно, как-то это объясняют, но убитый сказать ничего не может. Да и не так это важно. Мир обезумел,

убить могут почти без причины. И убивают...

Может быть, Жлобичу отомстили за то, что помог девушке покинуть пьяную компанию? Обе они, Возник и Доброрезова, этого не подтверждают. Или не хотят по какой-то причине подтверждать. А может, он упомянул, что является внештатным сотрудником органов, и... Но и это не нашло подтверждения.

И наконец: участвовал ли Пильдер в избиении? Следователь С. Григоренко, например, убеждена, что участвовал, более того, был инициатором, и даже прямо говорила об этом Пильдеру, на что тот отвечал: "Это надо еще доказать. Но в зону я больше не собираюсь" (ранее он уже был судим, как, впрочем, и Волощук). Объективных доказательств и тут не удалось найти. Не на предварительном следствии, ни в ходе расследования, ни на судебных заседаниях.

ТАЙНА ОДНОЙ ЗАПИСКИ

Написана она была в следственном изоляторе Волощуком для Пильдера:

"Вилли! Приветик! Я понял, что ты гонишь фуфло, так что смотри, или неси бабки рублей 500 для начала, я думаю, что ты парень не глупый, понимаешь, что будешь сидеть. С огромным приветом. Женя".

Этот текст также не является объективным доказательством чьей бы то ни было вины, но дело записка серьезно осложнила: именно после этого Волощук стал утверждать, что и Пильдер причастен к избиению, хотя тот все отрицал. Здесь оказалась замешана никто иной, как следователь С. Григоренко; это она приняла записку от Волощука и дала ознакомиться с ней Пильдеру.

Естественно, вопросов к следователю у суда, защиты и обвинения накопилось немало. И тем большую остроту они обретали, что дважды Григоренко не являлась на судебное

заседание, вызванная в качестве свидетеля. Интерес углубляло и то обстоятельство, что в тот день, 13 апреля, в СИЗО она приходила одна, без адвоката, с Волощуком встречалась, но никаких следственных действий не проводила. Выходит, специально шла за запиской?

Наконец, после третьего вызова Григоренко предстала перед судом. Выяснить, однако, и здесь мало что удалось: показания всех троих действующих лиц противоречивы. Волощук, например, утверждает, что писал записку в присутствии следователя и по ее просьбе, поскольку, видимо, таким образом она решила уберечь от суда будто бы лично ей знакомого Пильдера. Григоренко же уверяет, что записка была написана Волощуком заранее - либо у них с Пильдером разговор был, либо Волощук решил взять всю вину на себя и материально это компенсировать. Пильдер говорит, что записку она ему показывала до закрытия дела, следователь - что через две недели после передачи дела в суд. Из интереса: как среагирует? Но зачем вообще согласилась участвовать в этом нечистом и просто незаконном деле, ведь всякому известно, что подследственным переписка по понятным причинам запрещена? Записку взяла, не читая, так как предполагала получить дополнительную информацию.

Впоследствии суд огласит по этому поводу частное определение: "Довести до сведения министра внутренних дел вышеизложенное для решения вопроса о служебном несоответствии следователя Григоренко Светланы Демьяновны...".

Вопрос о служебном несоответствии не ставился. Как сказал мне начальник следственного отделения Калининского РОВД В. Смирнов, следователь, конечно, наказан материально, но вообще допущенное Григоренко нару-

шение незначительно, тут больше шума. То была просто глупость с ее стороны, не более.

Не думаю, однако, что эта история так уж безобидна. На следователей, не секрет, полный жалоб, (в том числе и в нашей почте. Наверное, не все они справедливы, есть в этих жалобах и вранье, и шантаж. Тем более, по-моему, следователь не должен давать ни малейшего повода. С. Григоренко его дала. Вот что написал Волощук в жалобе на имя начальника УВД Таллинна:

"Считаю необходимым обратиться к Вам в связи с тем, что в Вашем подчинении работают корыстолюбивые, преступившие закон люди... Так, следователь С. Григоренко с целью введения в заблуждение органов правосудия и сокрытия некоторых имеющих весомое значение фактов, пыталась склонить гр. Пильдера к даче денежной взятки... Искusstvenно создавала доказательства, фальсифицировала и подтасовывала материалы следствия".

И потом, разве еще существует граница, до которой служителю законности позволительно идти на заведомое нарушение, пусть и из благих побуждений, а после - нет?

ТАЙНЫ ДУШИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

Никаких денег Пильдер не выплатил, и, возможно, поэтому Волощук не давал ему покоя до самого конца. Даже после приговора. В кассационной жалобе, указав, что с приговором (7 лет в колонии строгого режима) "в корне не согласен", Волощук продолжал настаивать: и Пильдер бил. Кстати, и Григоренко, допустившей "грубейшее нарушение уголовно-процессуального кодекса", также посвятил немало строчек.

С другой стороны, на Пильдера давили свидетели Т. Коробкова и М. Рижская, его пожилые соседки: "У него настоящий притон. Пьянки,

драки, шум. Он и на нас руку поднимает. Это зверь..."

Не скажу, что Пильдер выслушивал это хладнокровно. В перерыве спешил за прокурором, хватал ее за рукав: "Вы что, верите им? Сами-то они как себя ведут, вы бы поинтересовались..."

Самым спокойным и невозмутимым участником процесса был подсудимый. Усаживаясь на скамье перед началом заседания, деловито раскладывал рядом какие-то записки. Сильный низкий голос звучал уверенно. Правда, подсудимый нередко путался в показаниях, но и в эти минуты он старался держаться спокойно и уверенно.

Чего не скажешь о потерпевших, родителях Артура. Вопросы подчас задавали невпопад, говорили неконкретно, в общем, больше эмоций, чем сути. Но кто их за это осудит? Только Волощук выражал недовольство. Как держалась Гляя Сергеевна, мать Артура, весь этот год? На одних таблетках. (Впрочем, однажды и они не помогли - случился нервный срыв, пришлось вызывать "скорую".) Для нее время остановилось. Вместе с тем родным голосом, прозвучавшим будто вчера: "Я скоро вернусь"...

Для остальных жизнь продолжается, каждый озабочен своими интересами и проблемами. Волощук защищался. Это его законное право, на то и суд. Но та убийственная невозмутимость, с которой он это делал, потрясает.

К нему вопросов нет. Жесткий человек, такой никого не пощадит. Вот и жена его бывшая свидетельствует: "Бил меня. Даже когда держала нашего десятимесячного ребенка на руках". Возможно, вопросы есть к руководителю кооператива "Мадара" (предпоследнее место работы подсудимого), охарактеризовавшего Волощука как "старательного, исполнительного работника, по характеру доброжелательного, отзывчивого, спокойно-

го..." Или к его бывшей однокурснице В. Талисайнен, которая о Жене может сказать только хорошее, поскольку знает его как "доброе безобидного парня, готового помочь, хотя его самого часто обижали".

Не только к Волощуку присматривался я в зале.

...Гляя Сергеевна по просьбе суда характеризовала сына. Говорила, держа перед собой портрет Артура, перетянутый черной лентой. Едва сдерживала себя. Вдруг - громкое хихиканье сзади. Оглядываюсь: это милиционеры конвоя читают смешной журнал.

...Давала показания свидетель О. Доброрезова, вызванная из Калужской области, где она теперь проживает. Говорила едва слышно, конечно же, почти ничего не помнит. На просьбу судьи говорить громче и подробнее вспыхнула:

- Обязана я, что ли, все это помнить? У меня других проблем много. Я, между прочим, мужа из-за этого случая потеряла.

Судья Т. Богданова, не очень-то скрывавшая свое отношение к участникам процесса и их словам (что не влияло на объективность разбирательства), ответила резко:

- У вас, возможно, и много проблем. Зато у них, - кивнула она в сторону супругов Жлобич, - проблем больше нет. Вы с мужем расстались, а они сына похоронили.

Приходилось напоминать, что погиб 28-летний человек. И не только Доброрезовой. Смерть (если тут нет политики) не впечатляет. Если что у нас подешевело, так это человеческая жизнь. Чужая - более не в цене. Самим бы выжить, да? Мир обезумел. Но только ли волощуки тому виной?

А Артур мог бы жить. В тот день, когда он, умирающий, лежал во дворе, к М. Рижской пришла ее 16-летняя внучка Инга Иванова. Вот ее показания:

- Во втором часу я открыла

форточку, чтобы проветрить квартиру, и услышала хрип и стон. Когда выглянула в окно, то увидела, что возле дома, у поленицы, лежит мужчина, лицо в крови, одежда грязная. В это время подошел сосед Лилль, он стал трясти его за ногу, но мужчина никак не реагировал. Я думала, что он вызовет "скорую", но он этого не сделал. После двух часов хрип прекратился, мужчина продолжал лежать.

Инга еще до этого сообщила об увиденном бабушке. Что же Матрена Лаврентьевна, так резко обличавшая своего соседа Пильдера?

- Я с работы была, уставшая... Сосед был одет, но не пошел вызывать, а я почему должна?

По заключению эксперта, прибудь в это время "скорая помощь" - человека можно было спасти. Спасти оказалось некому. Но бабушка с внучкой могут быть спокойны: только врачи привлекаются к ответственности за бездействие.

О том, что случилось с сыном, Гляя Сергеевна узнала на работе (она маникюрщица) от знакомой клиентки. Та, оглушив ее страшной вестью, попросила все-таки закончить обработку ногтей.

Выстраивая в цепочку эти, возможно, не самые существенные для суда факты - следователь, заключающий сделку с обвиняемым ею же в тяжком преступлении, люди, которым лень помочь умирающему, чья смерть человека волнует постольку, поскольку доставила личные неудобства, - и понимаю, что мы лишились чего-то более существенного, нежели каких-то там товаров в магазинах. Лишились и даже не заметили.

...Ухожу прочь от старого дома. И вспоминаю Достоевского. Более ста лет назад он рассуждал: мыслители провозглашают такие правила, что все вдруг сделаются счастливыми, только бы эти правила наступили. Нет, включает он, никакой идеал невозможен, да и сами эти правила не осуществились бы с "недоделанными" людьми... Что сказал бы Федор Михайлович сегодня? Что - еще через сто лет?

...Тут что-то меня оставило. Понял: телефонная будка. Она совсем недалеко от старого деревянного дома...

А. БАБИН.